

УДК 821.161.1-312.9

**ЗНАЧЕНИЕ СТАТУСА «ЛОКАЛИЗАЦИЯ» В ТЕКСТАХ
СОВРЕМЕННОГО СЛАВЯНСКОГО ФЭНТЕЗИ (РОМАНЫ А. ЧАРОИТА
«КОЩЕЕВА НЕВЕСТА», С. АРСЛАНОВОЙ «ВЕДЬМИНА ПРАКТИКА»
И Д. ЧАЙКОВСКОЙ «Я ВЫЖГУ В СЕБЕ МЕСТЬ»)**

Евдокимова А.О.

В статье исследуется явление статуса «локализация» в текстах современного славянского фэнтези на примере конкретных произведений. Рассматривается понятие «локализация» и его традиционный вид в источниках славянского фэнтези – в фольклоре и волшебных сказках. Названные произведения анализируются с целью выявить значение данного статуса и его необходимость в контексте раскрытия образов. Автор приходит к выводу, что традиционный статус «локализация» претерпевает некоторые изменения и может быть использован в текстах современного славянского фэнтези нетрадиционным способом, но его актуальность не исчезает, так как данный статус влияет на изменение внешнего, внутреннего, сословного и семейного статусов героев произведения.

Ключевые слова: славянское фэнтези, локализация, литературные жанры, система образов, фольклор.

**THE MEANING OF THE “LOCALIZATION” STATUS IN THE
MODERN SLAVIC FANTASY TEXTS (NOVELS “KOSCHEY’S BRIDE”
BY A. CHAROIT, “WITCH PRACTICE” BY S. ARSLANOVA AND
“I WILL BURN OUT REVENGE IN MYSELF” BY D. TCHAIKOVSKAYA)**

Evdokimova A.O.

The article examines the phenomenon of the “localization” status in the modern Slavic fantasy texts. The concept of “localization” and its traditional form in the sources of Slavic fantasy as folklore and fairy tales are considered. The named novels are analysed in order to identify the meaning of this status and its necessity in the context of the disclosure of images. The author comes to the conclusion that the

traditional status of “localization” is undergoing some changes and can be used in the texts of modern Slavic fantasy in an unconventional way, but its relevance does not disappear, since this status affects the change in the external, internal, class and family statuses of the characters of the work.

Keywords: Slavic fantasy, localization, literary genres, image system, folklore.

Славянское фэнтези представляет собой подвид жанра фэнтези, которое, в свою очередь, является видом фантастической литературы, основанной на сюжетном допущении иррационального характера [4, с. 582]. Это один из самых молодых жанров отечественной литературы, но при этом он подвергается сильнейшему влиянию традиции, так как традиционно фэнтези берёт своё начало из архаических мифов и фольклорных волшебных сказок. О.П. Креницына так комментирует возникновение названия поджанра: «Именованье “славянские” эта разновидность фэнтези получила потому, что источниками фабулы в ней являются мифологические сюжеты и образы древних славян, их пантеон богов, предания, легенды, реалии быта» [2, с. 5].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу произведений, рассмотрим традиционную реализацию статуса «локализация» в источниках славянского фэнтези – в фольклоре и волшебных сказках. Обычно конфликты, в которых участвуют персонажи, влияют на то, какими семантическими характеристиками наделяют персонажей. Иными словами, персонаж – воплощение тех семантических признаков, которые создают конфликтные ситуации и обыгрываются в пределах эпизода или всего сюжета. [3, с. 126]. При этом сказочные действующие лица во многом полифункциональны. Это можно объяснить наличием у них нескольких признаков сразу. Каждый такой признак соотносится как с действиями, так и со статусом персонажа. То есть речь идёт не столько об образе, сколько о совокупности признаков, в числе которых можно выделить как постоянные, так и переменные черты. Подобные черты способны комбинироваться друг с другом. Е.С. Новик выделяет четыре основных признака в архетипичном сказочном образе, именуемых статусами:

- 1) индивидуальный статус, включающий внешние и внутренние характеристики героя;
- 2) семейный статус, включающий все семейные отношения героя;
- 3) сословный статус, включающий признаки сословной принадлежности, профессии и имущественного положения;
- 4) локализация, включающая перемещение героя [см.: 3].

Мы обратим внимание на статус «локализация», связанный с изменением местоположения протагониста в контексте произведения. В фольклорных источниках большинство сказочных коллизий приводит к тому, что локус распадается на две группы: «свой» и «чужой». Герой или героиня обязаны иметь конкретное «свое» место в качестве начальной точки для развития сюжетных коллизий. Зачастую персонажи разбиваются на группы в зависимости от локализации. Так, например, лес является локусом лесных демонов, таких как Баба-яга, а основные супротивники обитают в так называемых далёких царствах (подземном, подводном, горном и т.д.). Таким образом, каждый персонаж так или иначе приурочен к «своему» месту. Попадание в «чужой» локус обычно связано с необходимостью преодолеть границу между частями пространства. Стоит также сказать и о наличии так называемых открытых мест. Это в первую очередь поле и дорога, и в данных локусах обитают персонажи, лишённые конкретного «своего» места. Зачастую это нищие и бродяги. Интересно то, что обычно открытые места являются потенциально опасными для героев, потому как нахождение в подобном месте неизбежно ведёт за собой либо неограниченную свободу перемещения, либо поиск укрытия. Примечательно, что, например, дом не может выступить в качестве укрытия, так как он является обязательным элементом при наличии «своего» локуса. На открытом же месте укрытием выступит в лучшем случае шатёр, который не может служить надёжным убежищем.

Рассмотрим значение данного признака на примере нескольких произведений жанра славянского фэнтези.

Алан Чароит, «Кошечья невеста»

Статус «локализация» в контексте произведения полностью соответствует своему традиционному виду. Как было сказано, героиня обязана иметь как «свой», так и «чужой» локус. Главная героиня Василиса обладает обоими локусами. «Свой» локус представляет дом Василисы, что также соответствует традиции: «своим» локусом обычно является первоначальное местопребывание героини. Особое отношение героини к «своему» пространству прослеживается в формах обращения к членам семьи: *«Грустно мне с близкими расставаться... Батюшку родного когда теперь увижу? И сестрицу Злату. И бабушку»* [6, с. 62]. Это отношение так же можно проследить в сравнении с «чужим» локусом, в который героиня вынуждена перебраться. Смена локуса непосредственно связана с семейным статусом. Получив статус «кошечья невеста», Василиса меняет пространство. Отношение к «чужому» локусу выражается в характерных сравнениях: *«Она вдруг почувствовала, будто её в гроб кладут, и сердце зашлось от горечи»* [6, с. 61]. Интересно то, что смена локуса должна повести за собой и изменение индивидуального статуса, а именно – внутреннего облика героини: *«Тут, чтобы выжить, и врать приходится, и юлить»* [6, с. 81], *«Забудьте всё, чему вас учили: добру там, справедливости, взаимопомощи... всё это глупости! Тут, в навьих землях, каждый сам за себя»* [6, с. 68]. Тем не менее, этого не происходит, что позволяет Василисе продолжать считать навье царство «чужим» для себя локусом. Её отношение к данному пространству выражается в соответствующих прилагательных: *«Так вот ты какая, Навь, земля Кошечья! Опасная, неприветливая, злая»* [6, с. 66]. Статусная принадлежность «Кошечья» также играет свою роль: Кощей выполняет традиционную функцию антагониста, так называемого супротивника. «Чужой» для героини локус таким образом напрямую связывается с образом антагониста, что выстраивает соответствующие отрицательные ассоциации. Стоит сказать, что локус супротивников, в число которых входит и Кощей Бессмертный, традиционно считается «чужим» локусом.

Кроме образа Кощея, «чужое» пространство выражается ещё в нескольких конкретных образах: в замке Кощея под названием Волколачий Клык и в Невестиной башне. Образ Волколачьего Клыка также характеризуется использованием сравнений и метафор: «Он торчал, словно гнилой клык» [6, с. 65], «Он больше напоминал чрево какого-то голодного зверя, заглотившего их – свою добычу – целиком» [6, с. 91]. Невестина башня служит тюрьмой для неугодных невест. В конце концов Василиса сама попадает в эту башню. Проходит несколько лет, но пространство продолжает оставаться для Василисы «чужим»: «Это моя тюрьма» [6, с. 91]. Героиня продолжает осознавать прошлый локус «своим»: «Из Дивнозёрья я» [7, с. 10]. Подобно замку Кощея и Невестиной башне, в «своём» локусе также присутствует место, выступающее в качестве конкретного «своего» образа. В данном случае – это отцовская изба и хижина бывшей наставницы: «Счастье тоже осталось в Дивнозёрье – в отцовой избе да в пропахшей травами хижине бабки Веданы» [6, с. 89].

Таким образом, можно сказать, что статус «локализация» в произведении Алана Чаройта «Кошечья невеста» является обязательным признаком в образе главной героини. Смена локуса следует за изменением семейного статуса и при этом оказывает влияние на индивидуальный облик героини. Тем не менее, в данном случае реализация данного статуса практически полностью соответствует традиции.

Саша Арсланова, «Ведьмина практика»

Если в произведении «Кошечья невеста» локализация напрямую зависела от изменения семейного статуса, то в данном случае локус героини сосуществует с её сословным статусом. Главная героиня Забава является ведьмой, что в контексте произведения роднит её с образом Бабы-яги. Следуя этому образу, «своим» местом для Забавы становится лес, который традиционно является локусом Бабы-яги. При этом сама героиня родом не из леса, но о её первоначальном месте жительства ничего не известно. Осознание леса как «своей» территории отражается в речи героини, а именно в

постоянном использовании притяжательного местоимения «мой» по отношению к лесу: «*Господин Айвен всех в моём лесу успел достать*» [1, с. 85], «*...он тоже своего рода часть моего леса...*» [1, с. 127]. Причина такого отношения к лесу поясняется древними традициями: «*Мы хозяйками леса были*» [1, с. 4].

Несмотря на то, что сословный статус выстраивает локализацию, нельзя сказать, что наличие локусов полностью зависит от данного статуса: оба эти признака обоюдно влияют друг на друга. Влияние локализации на сословный статус прослеживается в выстраивании оппозиции «главная/подчинённая», но это также зависит и от статуса «ведьма», который родним героиню с Бабой-ягой. Забава, подобно ей, изображается «хозяйкой» лесных существ, тем самым составляя группы «главных» и «подчинённых». Забава, соответственно, относится к группе «главных». Это прослеживается в частом использовании героиней того же притяжательного местоимения «мой» со всеми производными по отношению к лесным жителям: «*Бурьяна моего в Дубках уважали...*» [1, с. 108], «*Собратья моего Лиха постоянно должны голод чувствовать*» [1, с. 70], «*Мой маг тогда почти сразу уехал...*» [1, с. 309]. Именно локализация героини выстраивает её сословный статус по отношению к лесным жителям, которые, являясь частью леса, принадлежат Забаве. Можно сказать, что локализация героини является прямым продолжением традиционного причисления лесных демонов и жителей к лесу как к «своему» месту. Но, вопреки традиции, у Забавы нет «чужого» для неё локуса.

Итак, в отличие от романа «*Кощеева невеста*», в данном случае статус локализации не следует своему традиционному облику: героиня не имеет «чужого» для себя локуса, а смены локусов в принципе не происходит. Но при этом традиционно сохраняется бытование локуса в зависимости от прочих традиционных статусов, как, например, причисление Бабы-яги к локусу «лес». Статус «локализация» не теряет своей значимости и влияет на образ главной героини, а именно на её сословный статус.

Диана Чайковская, «Я выжгу в себе месть»

Подобно героине из романа «Ведьмина практика», Василика – героиня романа «Я выжгу в себе месть» – так же привязана к локусу «Лес», но её локализация куда сложнее и неоднозначнее. Как уже было сказано ранее, именно сказочная коллизия приводит к распаду локуса на «своё» и «чужое» место, а изначальная локация традиционно принадлежит к статусу «своего» места. Изначальная локация Василики – деревенский дом, место домашнего очага, но в противовес традиции его нельзя назвать «своим» местом героини, так как она предпочитает уходить из дома в лес: *«Ей настолько понравилась непроглядная чаща, что она могла пропадать там целыми днями, являясь домой под вечер»* [5, с. 11]. Соответственно, отправившись в лес к ведьме Костяной Ягине, Василика испытывает исключительно положительные эмоции. Это прослеживается в мотиве принятия её лесом, которое реализуется с помощью выделения частных объектов, входящих в сам лес: *«...скрипели огромные дубы, зовя её. Они просили Василику зайти поглубже»* [5, с. 20], *«Ни один из молодцев ей не приглянулся, ведь сердце уже давно было отдано змеящимся тропкам, шелестящим кронам, толстым древесным жилам и пляшущим лешачатам»* [5, с. 16]. Тем не менее, в определённый момент Лес перестаёт казаться Василике «её» локусом и связано это непосредственно с её внутренним обликом, а именно с оппозицией «добрая/злая», выражающейся в непреодолимой тяге к загробному миру Нави и тёмным духам. Именно Навь представляется Василике тем пространством, где ей есть место: *«Не сиделось ей в лесной избушке, как и в купеческом доме»* [5, с. 118]. Вскоре, вследствие сюжетной коллизии, Василика снова меняет локус, оставшись на некоторое время в Нави. Первое время локация является «чужой», для чего используются сравнения: *«Василика чувствовала себя птичкой, которую заперли в клетке»* [5, с. 155]. Но с течением времени локация перестаёт быть «чужой»: *«Ещё недавно она отскакивала в страхе... а теперь спокойно перебирает чужие кости»* [5, с. 166], *«Навь царство напоминало угольное болотце. Оно затягивало, манило к себе...»* [5, с. 249].

Покинув Навь, Василика возвращается в Лес, но данный локус уже нельзя назвать полноценно «своим», у героини появляются сомнения касательно своего статуса «ведьма»: *«Василика вон недавно завидовала ведьмам, считала их вольными девками, и что в итоге? Такая вот невольная воля»* [5, с. 204]. Как можно заметить, ключевым лейтмотивом в отношении «своего» и «чужого» локуса становится лейтмотив свободы. Именно в этот период появляется традиционный мотив первоначального места как «своего» локуса: *«...отец всю жизнь проводил в разъездах, чтобы дочери ни в чём не нуждались, а Василика взяла и так легко отказалась от всего, оставив тёплый дом...»* [5, с. 217], *«Было бы проще, если бы она осталась дома. Но что-то потянуло её на извилистую ведьминскую тропку»* [5, с. 107]. Здесь используется лейтмотив с использованием неопределённого местоимения «что-то», указывающего на непонятные и сверхъестественные причины выбора «ведьминской тропки».

В конце концов, героиня принимает решение временно покинуть локус Леса и избушку: *«Уж теперь-то она знала точно: не место ей нынче в избушке»* [5, с. 207]. Причиной становится всё тот же лейтмотив свободы: *«Завтра же отправится куда глаза глядят...»* [5, с. 207]. Таким образом, Василика остаётся без локуса, но, в отличие от традиционных сказочных героинь, отсутствие укрытия не оставляет её без защиты, что связано со статусом «ведьма». Несмотря на открытость и доступность, Василика способна защитить себя с помощью ведовства, что не соответствует традиции: *«Какая-то старуха кинула в Василику камень, но тот мигом полетел обратно»* [5, с. 282]. По итогу отсутствие локуса вновь приводит героиню к локусу Леса и избушки, в этот раз уже полноценно осознаваемым как «своё» пространство: *«Её дом находится в лесу у деревни»* [5, с. 281]. Примечательно, что почти сразу следует указание на неразрывную связь Василики со своим первым локусом – с родительским домом в деревне: *«Тоска по прошлому настолько захватила её душу, что она решил на обратном пути... повидать мачеху и отца»* [5, с. 281].

Таким образом, родительским дом не перестаёт осознаваться как «свой» локус, но предпочтение героиня отдаёт локусу Леса. Это напрямую связано с традиционной локализацией ведьм и Бабы-Яги в частности – исконно они обитают либо в лесном локусе, либо на так называемой грани пространства. Локус Василики объединяет оба эти поля: *«Родина ведьмы – Лес»* [5, с. 48], *«...сторожи Грань, чтобы духи Нави не лазали по деревьям»* [5, с. 246]. Несмотря на нетрадиционную частую смену локусов и сомнения касательно их статуса в контексте «своего» и «чужого», в конце концов, лесной локус, так или иначе, опирается на традицию. Как уже было сказано, Баба-Яга и прочие лесные демоны обитают именно в лесу. Василика также, в конце концов, признает локус Леса «своим», но примечательно то, что для неё это далеко не единственный «свой» локус – «своим» для неё также является и деревня с родным домом: *«Без ведьмы в деревне никак, да и ведьме тяжело жилось бы без деревни»* [5, с. 239]. Навь также нельзя назвать полностью «чужим» локусом, о чём уже было сказано ранее. Таким образом, у Василики в принципе нет «чужого» для неё пространства, но и одним «своим» пространством она не ограничивается. Особая связь с несколькими локусами сразу подчёркивается за счёт лейтмотива умирания и возрождения. Данный лейтмотив связан со всеми локусами сразу, он повторяется как в Лесу, так и в Нави почти дословно: *«Что-то постепенно умирало в ней, а что-то зарождалось»* [5, с. 129]; *«Что-то ломалось и умирало, что-то рождалось в боли и горечи»* [5, с. 158]. Использование всё того же неопределённого местоимения «что-то», указывающего на сверхъестественность изменений, подводит к мысли о внутреннем и внешнем перевоплощении героини под влиянием всех локусов. Отсюда следует наречение всех локусов «своими».

Кроме того, локализация влияет и на другие характеристики героини, например на её внешний облик. Пребывая в деревне в родном доме, Василика обладает не выделяющейся и довольно распространённой внешностью: *«...статное тело и крепкая русая коса»* [5, с. 10]. Посетив царство мёртвых Навь, и проведя там некоторое время, Василика изменяется внешне: *«...стала*

больше походить на нежичку – худая, с синяками под глазами, искусанными губами и в грязной рубахе. Но самое жуткое – взгляд» [5, с. 208]. В контексте сюжета это расценивается как влияние Нави, что, в свою очередь оказывает влияние на оппозицию «добрая/злая», а также на внутренний облик героини, что прослеживается в прямом использовании прилагательного «злая»: *«Злой ты стала. Не хохочешь, не звенишь»* [5, с. 227], *«Злой стала девка»* [5, с. 208]. Когда влияние Нави пропадает, внешний облик героини так же изменяется, в при этом перенимая на себя признаки статуса «ведьма»: *«Русые волосы как будто потемнели и стали почти каштановыми, в косу были вплетены смарагды и шёлковые ленты, а червонная рубаха сменилась смоляной, с маками. Вот уж и впрямь настоящая ведьма!»* [5, с. 279].

Таким образом, статус «локализация» в романе «Я выжгу в себе месть» играет очень важную роль в становлении образа героини. В отличие от ранее рассмотренных произведений, в данном случае отношение статуса «локализация» с прочими статусами и чертами героини гораздо сложнее и неоднозначнее. Смена локусов сосуществует с изменениями в облике героини, но при этом каждый локус рассматривается с разных сторон: в конце концов, все «чужие» локусы становятся «своими», но и расцениваются они по-разному.

Подводя итог, можно сказать, что традиционный статус «локализация» в современном славянском фэнтези не теряет своей актуальности. Данный статус может быть использован в традиционном понимании, но также может быть сильно видоизменён по тем или иным причинам. Однозначно можно сделать вывод о том, что наличие у героя локусов так или иначе влияет на его внутренний и внешний облик, на его сословный и семейный статус, и сама локализация так же зависит от перечисленных признаков.

Список литературы:

1. Арсланова С. Ведьмина практика. М.: АСТ, 2023. 320 с.

2. Криницына, О.П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература .Пермь, 2011. 173 с.

3. Мелетинский Е.М. Структура волшебной сказки / Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Д.М. Сегал. М.: РГГУ, 2001. 229 с.

4. Николукин А.Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий М.: Интелвак, 2001. 99 с.

5. Чайковская Д. Я выжгу в себе месть. М.: Кислород, 2023. 304 с.

6. Чароит А. Кошечья невеста. М.: АСТ, 2023. 384 с.

Сведения об авторе:

Евдокимова Александра Олеговна – студентка историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Data about the author:

Evdokimova Alexandra Olegovna – student of History and Philology Faculty, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

E-mail: evdokimovasandra@mail.ru.